

6+

Джин Инджелоу

Фея Мопса

Перевод Елены Айзенштейн



Джин Инджелоу

**Фея Мопса. Перевод
Елены Айзенштейн**

«Издательские решения»

Инджелу Д.

Фея Мопса. Перевод Елены Айзенштейн / Д. Инджелу —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502166-3

Сказка Дж. Инджелу «Фея Мопса» написана в 1869 году, но не была переведена на русский язык. В 2018 году ее впервые перевели на французский, а теперь, наконец, узнает о Мопсе и русский читатель. Эта книга рассказывает про мальчика Джека, который попадает в Царство Фей. «Фея Мопса» задумана книгой для детей и взрослых.

ISBN 978-5-00-502166-3

© Инджелу Д.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Над облаками	6
Глава 2. Капитан Джек	11
Глава 3. Заводящееся время	14
Глава 4. Пчёлы и другие существа-приятели	20
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Фея Мопса

Перевод Елены Айзенштейн

Джин Инджелоу

*Посвящается
моей дорогой
маленькой кухне
Джейн Холлвей*

Иллюстратор Дороти Латроп
Переводчик Елена Оскаровна Айзенштейн

© Джин Инджелоу, 2024
© Дороти Латроп, иллюстрации, 2024
© Елена Оскаровна Айзенштейн, перевод, 2024

ISBN 978-5-0050-2166-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Над облаками

*Может, это мой собственный мир?
Здесь все из снега и золота,
Здесь алые волны с ропотом
Кидаются вниз, на залив.
Этот мир – это мой мир,
В нем город, и луг, и берег с горами.
Тот, у кого есть собственный мир,
Обладает мирами.*

Мальчик, которого я очень хорошо знаю, однажды шел через луг, полный лютиков. Няня и его младшая сестренка были с ним; и, когда они подошли к старому цветущему боярышнику, росшему рядом с изгородью, и сели под его тенью, няня взяла три ломтика сливового пирога и дала каждому из детей, а один взяла себе.

Пока Джек ел, он заметил, что изгородь была очень высока и густа, и большое углубление находилось в стволе старого тернового дерева. Он услышал щебетанье, как если бы внутри было гнездо, засунул туда свою голову, развернулся и посмотрел вверх.

Это было очень большое терновое дерево, и дупло было так велико, что два или три мальчика могли бы вертикально поместиться в нем. И едва Джек привык к тусклому освещению в этой коричневой тьме, над своей головой, он увидел настоящее гнездо, довольно любопытное, потому что по ширине оно было размером с пару черных птиц, которые могли бы его построить, а еще оно было сделано из прекрасной белой шерсти и тонких кусочков мха, короче говоря, напоминало в три раза увеличенное гнездо щегла.

Едва Джек об этом подумал, тоненький голосок закричал: «Джек! Джек!» Младшая сестра спала, няня читала книгу, поэтому не могло быть никого, кто позвал бы мальчика. «Я должен пойти туда, – подумал Джек. – Я хочу, чтобы это отверстие стало шире». Поэтому он начал извиваться, крутиться и, как только потянул свою вторую ногу, посмотрел вверх, и три головы, выглядывавшие с края гнезда, высунулись снова.

«У этих голов нет клювов, я уверен», – подумал Джек. Он встал на цыпочки и ткнул одним из пальцев. «Эти штуковины не имеют оперенья», – продолжал рассуждать он. Отверстие показалось ему труднопроходимым, но мальчуган умудрился залезть туда и посмотреть внутрь.

Его глаза еще не привыкли к тусклому свету; но он был уверен, что эти существа не птицы, нет. Он толкнул их, и они не заметили. Но когда он схватил одну из них из гнезда, это вызвало громкий писк, и кто-то сказал: «О, нет, Джек!» – настолько ясно, насколько это возможно.

Джек почувствовал, что напуган; он потерял равновесие, уронил существо и соскользнул вниз. К счастью, это не причинило ему вреда, а также и существам (теперь он смог увидеть их довольно ясно); это было что-то ползающее, похожее на старого ребенка, одетое в маленькое платье и передник.

– Это фея! – воскликнул Джек, говоря сам с собой. – Как любопытно! И я попал, должно быть, в гнездо фей! О, как рассердится их старая мать, если эти маленькие существа уползут и вылезут из этой дыры!

Поэтому он посмотрел вниз.

«Дыра выходит с другой стороны», – подумал Джек и обернулся, но на другой стороне дыры не было. Это не была другая сторона. Это не была никакая сторона. Всё вдруг закрылось, пока он смотрел в гнездо, желая найти хоть какой-нибудь выход, там вообще не было отвер-

ствия, исключая одно очень маленькое, высоко над гнездом, откуда лился небольшой солнечный лучик.

Джек очень удивился, но решил доест свой пирог и так восхитился, увидев молодую фею, поднимающуюся по другой стороне отверстия, снова карабкающуюся в свое гнездо, что от всей души рассмеялся; в гнезде все существа вытащили свои головы и показывали милые белые зубы, нацеленные на кусочек пирога.

– Хорошо, – сказал Джек, – я могу остаться здесь внутри надолго, а у меня нет никакой еды, кроме этого пирога; однако ваши рты очень маленькие, так что вы можете взять по кусочку.

И он отломил маленький кусочек пирога и положил в гнездо; подтянулся, чтобы посмотреть, как они это съели.

Маленькие феи долгое время делили и жевали пирог, и, когда они закончили, начало темнеть. Темное облако накрыл маленький солнечный луч. В это же самое время поднялся ветер, начал укачивать ветви и превратил дерево в скрипящее и дрожащее. Потом загредел гром и пошел дождь; феи выбрались из гнезда и заползли внутрь карманов Джека. По одной в каждый карман жилета, и две другие очень удобно устроились, когда он взял свой носовой платок и в кармане своей курточки сделал для фей комнату.

Все темнело и темнело, когда, наконец, Джек смог увидеть отверстие: ему показалось, что впереди – длинная дорога. Все время он смотрел на отверстие в дереве, и это было далеко. Наконец он увидел растущую луну, светившуюся в дупле.

– Я уверен, ночь еще не настала.

Он вытащил из кармана одну из упитанных молодых фей и поднес к отверстию.

– Посмотри на это, – сказал он, – что может быть сейчас? Отверстие так далеко, что там ночь, а здесь, внизу, я не могу съесть мой ланч.

– Ладно, – ответила молодая фея. – Почему ты не свистишь?

Джек был удивлен, услышав ее речь в такой чувствительной манере, и при свете луны он очень внимательно взглянул на нее.

– Когда я впервые увидел тебя в гнезде, – сказал он, – у тебя впереди был передник, а теперь на тебе элегантный маленький фартук с кружевом.

– Это потому что я теперь стала старше, – ответила фея. – Мы никогда не тратим так много времени на взросление, как вы.

– Но твой передник? – спросил Джек.

– Превратился в фартук, – ответила фея. – Точно так же, как твоя вельветовая курточка, когда ты станешь старше, превратится во фрак.

– Этого не будет, – возразил Джек.

– Да, это будет, – ответила фея с интонацией высшей мудрости. – Не спорь со мной. Я старше тебя. Ближе к взрослости, фактически. Возьми меня снова в свой карман и посвисти так громко, как только можешь.

Джек рассмеялся, спрятал ее в карман и достал другую фею.

– Всё хуже и хуже, – подумал он, – почему этот был мальчик-фея, а теперь у него есть усы и шпага, и он смотрит так сурово, как только возможно!

– Мне кажется, я слышал мою сестру, которая говорила тебе, как нужно свистеть? – очень серьезно сказал мальчик-фей.

– Да, она сказала, – ответил Джек. – Хорошо, я полагаю, лучше я сделаю это.

И Джек действительно громко свистнул.

– Почему ты так скоро перестал? – сказала одна из фей, высовываясь.

– Почему? Если ты желаешь знать, – сказал Джек, – потому что мне показалось, что кто-то держит меня за ноги.

– Смешной ребенок! – крикнула последняя из четырех. – Как ты думаешь выйти, если она не станет держать твои ноги?

Джек подумал, что охотно займется долгим устным счетом, чем будет вынужден свистеть. Но он не мог сделать этого, когда феи говорили с ним; он почувствовал, что кто-то снова держит его за ноги, а потом толчком посадил его себе на спину, где Джек сидел верхом, и удивлялся, пони ли это. Но это не был пони, а Джек тотчас заметил, что существо имело узкую шею и было покрыто опереньем. Это была большая птица, и мальчик сразу обнаружил, что они поднимаются к отверстию, которое находится очень высоко. В несколько минут птица промчалась через отверстие с Джеком на своей спине и со всеми феями в его карманах.

Было так темно, что мальчик не мог ничего видеть, и он обвивал своими руками шею птицы, держась за нее, в ответ на это приятная птица просила его не бояться и выражала надежду, что ему удобно.

– Мне будет еще удобнее, – ответил ей Джек, – если я узнаю, как могу снова вернуться домой. Я еще не желаю оказаться дома, но хочу увидеть, где мы летим, к тому же папа и мама испугаются, если я никогда не вернусь.

– О нет, – ответил альбатрос (потому что это был альбатрос), – ты не должен беспокоиться по этому поводу. Когда мальчики попадают в Страну Фей, их родители никогда не беспокоятся об этом.

– Действительно? – воскликнул Джек.

– Совершенно точно, – ответил альбатрос.

– Итак, мы отправляемся в Страну Фей? – Как восхитительно!

– Да, – сказал альбатрос. – Путь назад – путь мысли. Мы только вернемся назад. Ты в две минуты можешь оказаться на обычной дороге. Но эти юные феи хотят отправиться, прежде чем их вызовут. И поэтому ты и я возьмем их с собой.

И птица очень долгое время продолжала лететь в небесной темноте.

– Кажется, все они быстро уснули, – сказал Джек.

– Возможно, они будут спать, пока мы не прибудем к чудесной реке, – ответил альбатрос, и почти сразу едва не столкнулся с большой выпуклостью в воздухе.

– Что за корабль, если нет света? – сказал сердитый голос.

– Я мог бы задать тот же вопрос тебе, – угрюмо ответил альбатрос.

– Я только бедный блуждающий Огонек, – сказал голос, – и ты очень хорошо знаешь, что у меня есть лишь фонарь, чтобы светить.



После этого фонарь стал виден, и Джек благодаря освещению увидел человека, который казался старым и усталым. Он был так прозрачен, что через него можно было видеть и фонарь, и всё.

– Надеюсь, я не обидел тебя, Вильям, – сказал альбатрос. – Я немедленно буду светить. Спокойной ночи. Доброй ночи!

– Спокойной ночи, – ответил Вилли-о-висп, – Я спущусь вниз так быстро, как смогу. Меня побил шторм, и мне никогда не бывает легко, за исключением моего родного болота.

Джек смог бы лучше видеть Вилли, если бы альбатрос не начал светиться. Птица сделала это так: один ее глаз начал слабо блестеть прекрасным зеленым светом, который далеко и близко бросал свои лучи, и потом, когда светил ярко, как лампа, засиял и другой глаз, и свет этого глаза был красным. Короче говоря, птица светила, подобно кораблю в море.

Джек был так счастлив, что ему было трудно определить, на что посмотреть в первую очередь, так много замечательных и достойных внимания вещей было вокруг.

– Феи спят, – сказал альбатрос, – они очень быстро уснули, и, пока они не проснутся, мне хочется немного поговорить с тобой.

Птица имела в виду, что феи храпели, и это действительно было так: феи храпели в карманах Джека.

– Меня зовут Дженни, – продолжал альбатрос. – Как ты думаешь, ты запомнишь это имя? Когда ты окажешься в Стране Фей и захочешь снова вернуться к себе домой, позови Дженни, я буду готов прийти к тебе, и я с удовольствием приду, я люблю мальчиков больше, чем фей.

– Спасибо, – ответил Джек, – о да, я запомню твоё имя, оно очень легкое.

– Если ночью ты захочешь увидеть меня, только посмотри вверх, – продолжала птица-альбатрос, – и ты увидишь зеленые и красные вспышки, скользящие в воздухе. Ты увидишь, а потом позовешь: «Дженни!» – и я приду; но помни, что я не приду, пока ты меня не позовешь.

– Очень хорошо, – сказал Джек, но он был невнимателен, потому что вокруг было столько всего, на что можно было посмотреть.

В первом месте все звезды, исключая несколько больших, исчезли; они выглядели испуганными; и поскольку стало светлее, одна за другой звезды начинали сиять в голубом небе и исчезали. А потом Джек посмотрел вниз и увидел, как он подумал, большую страну, покрытую неровными снежными горами, с удивительными острыми пиками. Здесь и там он заметил очень глубокое озеро, наконец, он подумал, что это озеро, но, поскольку он восхищался горами, появилась огромная трещина между двумя громаднейшими из них, и он увидел, как солнце скатилось в нее, и это казалось почти потрясающим.

– Неужели это облака?! – воскликнул Джек. – о, какое все радужное и преобразившееся! Я думал, что эти облачка были горами!

– Да, это облака, – ответила птица, – а потом они превратятся в золотые, а затем станут нырять и кувыркаться, и каждая вершина наденет сверкающую корону. А потом они разобьются вдребезги, и опять начнут перемещаться.

В самом деле, Джек был там всю ночь, и вот наступило утро.

Глава 2. Капитан Джек

*Наша судьба – плыть
со многими капитанами,
ни один из которых не стал
заплатой на твоей спине.*

*Письмо корабельной компании Н. М. S. S. Royalist капитану
В. Т. Бейту.*

Все это время альбатрос падал и падал вниз, подобно камню, пока Джек совсем не запыхался; они падали или летели, как угодно ты можешь назвать это, прямо через одну из больших расщелин (Джек думал, что это были озера), и он посмотрел вниз, увидев спину птицы; и Джек заметил, что мир подобен тому, каким видишь его на добром пути, висая над ним на рассвете.

Это было очень красивое зрелище: овцы и ягнята все еще крепко спали на зеленых холмах, и морские птицы широкими рядами дремали на выступах скал, а их головы лежали под их крыльями.

– Молодые феи еще не проснулись? – спросил альбатрос.

– Спят крепко, как всегда, – ответил Джек. – Но, альбатрос, что это? море находится под нами? Ты морская птица, я знаю, но я не морской мальчик, я не могу жить в воде.

– Да, это море, – ответил альбатрос. – Разве ты не видишь, что оно покрыто кораблями?

– Я вижу лодки и суда, – сказал мальчик, – и все их паруса поставлены, но они не могут плыть, потому что нет ветра.

– Ветер никогда не подует в этот прекрасный залив, – проговорила птица, – все эти корабли должны находиться в покое, пока они не разлетелись вдребезги, если только один из них не захочет теперь подняться вверх по чудесной реке.

– Но как они могут отправиться туда? – удивился Джек.

– На некоторых кораблях капитаны плохо использовали своих юнг, некоторые были пиратскими кораблями, другие вышли для недобрых дел. Последствием явилось то, что, когда они изменили курс со своими юнгами и оказались в штале, пришли феи и забрали всех моряков, все флаги и значки, чтобы смастерить из них свои лучшие пальто, бросили корабельное печенье и другую провизию рыбам и поставили все паруса. Как полагают люди, многие корабли, потерпевшие крушение, лежат в этом тихом море. Посмотри на эти пять кораблей с высокими носами, что пришвартовались близко друг к другу; они были частью испанской армады, а открытые лодки с голубыми парусами принадлежали римлянам; они шли под парусом с Цезарем, когда он вторгся в Британию.

В это время альбатрос парил над кораблями, выбирая одно из суден, чтобы взять Джека и фей на чудесную реку.

– Корабль не должен быть очень большим, – проговорила птица. – В некоторых местах реки довольно мелко.

Джеку очень понравилось для себя одно судно, но потом он посчитал, что ничего не знает о парусах и снаряжении, и подумал, что правильнее будет довольствоваться любим, которое выберет альбатрос, поэтому он разрешил посадить себя в красивую открытую лодку с большой вырезанной на ней головой. Там он отлично уселся, и альбатрос присел на соседней скамье лицом к нему.

– Ты помнишь мое имя? – спросил альбатрос.

– О да, – сказал Джек, но не обратил внимания на эти слова; он подумал, что было бы отлично иметь подобную забавную лодку для себя.

– Это хорошо, – ответила птица, – потом, в другом месте, эти феи, наконец, проснутся?

– Нет, не проснутся, – сказал Джек, достал фей из карманов и положил в ряд перед альбатросом.

– Они, конечно, спят, – сказала птица, – возьми их обратно и позаботься о них. Помни, ты не должен потерять ни одной из фей, я действительно не знаю, что случится, если ты это сделаешь. А теперь только одна вещь, которую я могу еще сказать тебе: ты голоден?

– Довольно голоден, – ответил Джек.

– Потом, – проговорил альбатрос, – когда ты почувствуешь себя *очень* голодным, ляг на дно лодки и усни. Тебе приснится, что ты видишь перед собой жареную дичь, ты увидишь во сне молодую картошку и яблочный пирог. Помни, ты не должен много есть в твоём сне, или ты будешь сожалеть об этом, когда проснешься. Это все. Гуд бай. Я должен идти.

Джек охватил своими руками шею птицы и обнял, потом она расстелила перед ним чудесные крылья и медленно, как под парусом, поплыла прочь. Сначала Джек почувствовал себя чрезвычайно одиноко, но через несколько минут он забыл об этом, потому что маленькая лодка начала плыть очень быстро.

Лодка не была под парусом, и для нее не было парусов, а мальчик не был гребцом, у него не было весел; мне потребовалось назвать производимые им движения плаванием, так как я не знаю лучшего слова, чтобы это описать. Меньше, чем за четверть часа они прошли под носом великолепного трехпалубника, оснащенного семьюдесятью пушками.

Бакланы, жившие в тех краях, овладели этим пространством, и оно было сплошь покрыто гнездами, так что вы не могли бы шагнуть на палубу, без опасности наступить на одно из гнезд. Отцы-птицы находились в воздухе, на реях или плавали в теплом зеленом море, и они подняли такой крик, когда увидели Джека, что почти разбудили фей, почти разбудили, но не полностью; маленькие существа, лежащие в кармане Джека, повертелись, почихали и начали храпеть снова.

Потом лодка поплыла мимо прекрасного брига. Какие-то морские феи сбросили груз за борт и на палубе играли в чехарду. Они не были полностью похожи на собственных фей Джека; были небольшой высоты и размером с него, с коричневыми лицами, красными фланелевыми юбками и красными шапками. Большой флот жемчужных наutilusов собрался рядом с судном. Маленькие существа пировали тем, что морские феи выбросили за борт, и лодка Джека, в рвении пройти рядом, бросилась к ним так резко, что некоторые феи опрокинулись. Оглянувшись, смуглые морские феи сердито крикнули: «Лодка, эй!», – и лодка остановилась.

– Скажи, что у твоей лодки на уме, что она о себе воображает? – спросил фей-морской капитан Джека.

Джек дотронулся до своей шляпы и сказал:

– Да, сэр.

И его лодку упрекнули: «Тебе должно быть стыдно так легкомысленно, без оглядки бежать рядом с этим маленьким рыболовным суденышком, иди с более тихой скоростью».

Поэтому лодка пошла медленнее, и Джек, в это время по-настоящему голодный, свернулся на дне лодки и впал в сон.

Ему приснилась дичь и несколько картошин, он съел птичье крыло, потом съел веселую мысль, а потом кто-то сказал ему, что лучше не есть больше, но он все равно съел; он съел другое крыло, – и появился свежий яблочный пирог, он съел немного, потом немного больше, потом он сразу проснулся.

– Теперь птица скажет мне не есть так много, – подумал Джек, – и я сделаю это, в жизни никогда я не чувствовал себя таким сытым.

И больше, чем полчаса он вряд ли обращал внимание на что-нибудь.

Наконец, он поднял голову и увидел прямо перед собой два больших коричневых утеса, а между ними текла чудесная река. Другие реки вытекают, но эта река текла в нужном направ-

лении, далеко, в землю дельфинов, меч-рыбы, кефали, солнца-рыбы и многих других странных существ; и это была одна из причин, почему она называлась волшебной или чудесной рекой.

Сначала река текла довольно широко; Джек был слишком взволнован, чтобы увидеть множество солдат, находившихся на другой стороне, охранявших берег и предотвращавших высаживание здесь кого бы то ни было. Он волновался: как он сможет доставить фею на берег? Однако в течение часа река стала намного уже, а потом Джек увидел, что гвардейцы не реальные солдаты, а розовые фламинго.

Длинными полками они стояли среди камышей и не шевелились. Они были только очень жестокими пехотинцами, которые служили за плату в стране фей и никогда никому ничего не разрешали, но корабль с феями поднялся по реке.

Мили и мили они охраняли берег, много тысяч их стояло на небольшой дороге в воде, среди флагов и камышей; но, наконец, больше не было тростника и солдат гвардии, поток стал уже и потек между такими крутыми скалами, на которые никто не мог подняться.

Глава 3. Заводящееся время

*«Проснись, офицер, проснись, корабли пришли,
Проснись, – зовет рыцарь, – будь быстрым,
За главную улицу, прощай-улицу, над городом
Кочергой и палкой дерутся они со свистом».
Сквайр промолвил: «Сражение свирепое, как никогда,
У всех офицеров».
Башенных часов старых звон уха достиг:
Тик, тик, тик.*

*Проснись, дочка, проснись!
Час проходит,
«Проснись!» – шепчет дама – будь быстра,
Закуски гостей ждут с утра,
Скрипач воцпит свой смычок».
Дочь сказала: «Жених ждет и ждет,
Чтобы увидеть невесты лик».
Бой новых часов его что прозвонит?
Тик, тик, тик.*

Джек посмотрел на горячие коричневые скалы, первые на левом берегу, и потом направо, пока он не слишком устал. Наконец, берег справа стал плоским, и мальчик увидел прекрасный маленький залив, где вода была спокойной и где с краю пропасти росла трава. Он был так обрадован этой перемене, что поспешно закричал: «О, как я желаю, чтобы моя лодка плыла по этому заливу, и пусть бы я здесь высадился».

Пока лодка не изменила своего курса, как если бы кто-то управлял ею, и не устремилась к заливу так быстро, как только могла, он молчал.

«Как странно! – подумал Джек. – Удивительно, лодка точно не собиралась заходить в этот залив. Однако я думаю, мне нужно будет оставить ее теперь одну, и, очень может быть, мне захочется высадиться здесь».

Когда они пришвартовались к берегу, вода была такая мелкая, что можно было видеть крабов и лобстеров, прогуливающихся по дну. Наконец киль лодки наткнулся на гальку, и только Джек начал думать о том, чтобы выпрыгнуть на берег, он увидел приближающихся к нему двух маленьких старых женщин, аккуратно управлявших идущей перед ними белой лошадкой.

У лошади были корзины, по одной с каждой стороны, и, когда ноги Джека оказались уже в воде, он все же остановился и заговорил с одной из старых женщин:

– Не будете ли вы так добры, чтобы ответить, это Страна Фей?

– Что он говорит? – спросила одна старушка у другой.

– Я спрашивал про Страну Фей, – объяснил Джек; он подумал, что первая старушка могла быть глухой.

Старушка была одета в очень красивое атласное красное платье и, по крайней мере, не выглядела, как прачка, хотя потом оказалось, что она была одной из них.

– Он говорит, что это Страна Фей? – повторила она.

И другая, которая была в голубом атласном плаще, ответила:

– О, он что-то сказал?

И потом они начали опустошать корзинку с маленькими голубыми, розовыми, алыми блузами, пальто, чулками, и, когда сделали из всего этого две маленькие кучки, они преклонили колени и начали стирать белье в реке, не обращая на него никакого внимания.

Джек уставился на них. Старушки не были намного выше него, не обращали внимания на свою красивую одежду; потом он посмотрел на старую белую лошадь, с очень недовольным видом опустившую голову над приятной чистой водой.

Наконец женщина в голубом сказала:

– Я пойду теперь, я замучилась от моей работы.

– Да, – сказала другая. – Когда придешь домой, выпей чашку чая.

Потом она бросила взгляд на Джека, спокойно сидевшего в лодке, и сказала:

– Можешь ли ты ударить?

– Могу, если захочу, – ответил Джек, немного смущенный этой речью.

И красная, и голубая старушки стали выжимать свои одежды, сложили их снова в корзины, взяли под уздцы старую лошадь и начали осторожно руководить ею.

«У меня есть отличная причина, чтобы высадиться, – подумал Джек. – Я не удивился бы, если бы оказался в Стране Фей. Так как лодка пришла сюда, чтобы порадовать меня, я попрошу ее остановиться здесь, если захочу».

Поэтому он прыгнул на берег и сказал лодке:

– Стой точно, где ты есть, ладно? – и побежал за старыми женщинами, спрашивая их:

– Есть ли какой-то закон, препятствующий моему прибытию в эту страну?

– Тпру, – закричала женщина в красном, и лошадь остановилась, пока старушка в голубом не воскликнула:

– Никаких законов нет, насколько я знаю, но если ты чужеземец, лучше остерегись.

– Почему? – удивился Джек.

– Неужели ты думаешь, – сказала она, – что наша Королева будет *заводить* иностранцев?

Пока Джек размышлял, что она имела в виду, другая сказала:

– Я не удивлюсь, если он уедет через восемь дней. Но-о-о! – и лошадь пошла.

– Нет, тпру, – сказала другая старушка.

– Нет, но-о-о, я уже сказала тебе, – закричала первая старушка.

На это, к величайшему удивлению Джека, старая лошадь остановилась и проговорила, произнося в нос:

– Вперед, назад, как это может быть одновременно? Мне хочется «но-о-о», и мне также нравится «тпру». Но что делать вашей приятельнице, если вы руководите обе вместе?

– Почему лошадь разговаривает? – воскликнул Джек.

– Это потому что у нее холодная голова, – заметила одна из прачек. Она всегда разговаривает, когда ей холодно и что-то не нравится; что бы вы ни сказали, она не будет довольна. Бони, вперед!

– «Тпру» потом, – сказала лошадь и начала бегать.

– Она снова сказала, – отметил Джек, и лошадь засмеялась над ним, поэтому мальчик был немного встревожен.

– Похоже, твои лошади не говорят? – спросила старушка в голубом.

– Никогда, – ответил Джек. – Они не умеют.

– Ты думаешь, они не могут, – заметила старая лошадь, и, хотя она говорила человеческими словами, это не был голос, подобный человеческому.

Все же Джек почувствовал естественный тон лошади, и звук не возник только из ее носа.

– Когда-нибудь тебе откроется, возможно, – продолжала лошадь, – могут лошади говорить или нет.

– Я узнаю? – спросил Джек очень серьезно.

– Они РАССКАЖУТ тебе, – продолжала белая лошадь. – Я не буду с тобой, когда они поведают тебе, как ты их использовал.

– Вас дурно использовали? – обеспокоенно спросил Джек.

– Да, да, конечно, – вмешалась одна из женщин. – Она пришла сюда, чтобы снова все было хорошо. Это очень благотворная страна для лошадей, не так ли, Бони?

– Да, – ответила лошадь.

– Хорошо, пробегись там, дорогая, – продолжала старушка. – Почему? Ты будешь скоро снова молодой, ты знаешь, молодой, игривой, красивой, у тебя будет настоящий жеребенок, и вы сможете свободно присоединиться к компании на счастливых лугах.

Старая лошадь так утешилась доброй речью, что наострила уши и значительно ускорила темп.

– Лошадь позорно использовали, – заметила старая прачка. Посмотри на нее, какая она худая! Ты можешь увидеть все ее ребра.

– Да, – сказала другая, словно извиняясь перед бедной старой лошадью. – Лошадь становится грустной, когда думает обо всем, что она пережила. Но ей уже намного лучше, чем раньше. В Лондоне ее хозяин всегда носил длинный хлыст, чтобы бить ее, и никогда не говорил с ней вежливо.

– Лондон! – воскликнул Джек. – Да ведь это в моей стране! Как лошадь оказалась здесь?

– Это не твое дело, – ответила одна из женщин. – Но я скажу тебе; она пришла, потому что захотела. Больше, чем ты.

– Оставим мальчишку, – сказала лошадь ворчливо. – Я не испытываю к нему никакой злости.

– У него хорошие намерения, Бони, – заметила старушка в красном. – Скажи, ты мальчик?

– Да, – сказал Джек.

– Настоящий мальчик, который не хочет *заводиться*? – спросила старая женщина.

– Я не знаю, что вы имеете в виду, – проговорил Джек. – Но я реальный мальчик, разумеется.

– Ах, – воскликнула она, – хорошо, я полагаю, так и есть, между прочим, Бони говорила с тобой. Как страшно тебе должно быть! Я поражаюсь, что будет со всем вашим народом за управление, работу, избивание животных, если так много прекрасных существ умирают каждый год. Когда-нибудь люди заплатят за это, это и от тебя зависит.

Джек был немного встревожен, и он ответил, что никогда сам не был недобр к лошадям, и он был рад, что Бони не испытывала к нему злобы.

– Бони работала на них, и часто все ночи хозяева ехали по нищим улицам, и никогда не позволяли лошади галопа в зеленом поле, – сказала одна из женщин. – Но сейчас с ней все в порядке, только она встала не с той ноги.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Джек.

– Почему в вашей стране, – ответила старушка, – лошади бывают ужасно старыми и жесткими? Сначала они кажутся несчастными и измученными, но постепенно снова становятся молодыми, как ты слышал.

– Действительно, – сказал Джек, – и тебе это нравится?

– Это ничего не меняет во мне, – ответила она. – Здесь мы только заботимся обо всех существах, которые плохо использовал человек. Поскольку они больные и старые, какими они были, когда впервые пришли к нам; после того как они умирают, мы заботимся о них и постепенно делаем их снова молодыми и счастливыми.

– В таком случае, это, наверное, очень хорошая страна для жизни, – сказал Джек.

– Для лошадей, да, – со значением ответила старая леди.

– Хорошо, – сказал Джек, – такое впечатление, что здесь полно стогов сена, и весь воздух, конечно, пахнет свежей травой.

В этот момент они вышли на прекрасный луг, старая лошадь остановилась, повернулась к женщине в голубом платье, сказав:

– Факса, думаю, я могу помечтать о горстке клевера.

В этот момент Факса схватила шапку Джека прямо с его головы, очень активным способом перепрыгнула через маленькую канаву, собрала немного клевера, тотчас принесла назад шапку, полную травы, и с великим почтением вручила старой лошади.

– Не надо так спешить, – заметила старая лошадь, обратясь к старушке, – если ты не станешь думать об этом, твой вес будет прыгать в течение нескольких дней.

– Это все рвение, – заметила женщина в красном.

Как раз в этот момент маленький человек, одетый, подобно конюху, подбежал, запыхавшись.

– О, ты здесь, Дав! – обратился он к женщине в красном. – Пойдем? Леди Бетти ждет тебя. Такой жаркий день, и она знает, никто не может так обмахивать ее от жары, как ты.

Не говоря ни слова, женщина в красном ушла с конюхом, и Джек подумал, что надо идти с ними: леди Бетти, наверняка, могла сказать ему, называлась ли эта страна Страной Фей и должен ли он сесть в его лодку и плыть дальше. Ему не нравилось слушать всю дорогу, как Факса и Дав толковали по поводу их тяжелой работы; поэтому он попросил Факсу отдать ему его шляпу; она отдала, и Джек услышал любопытную разновидность тикающего звука; он подошел ближе, звук удивил его.

– Это, должно быть, Страна Фей, я уверен, – проговорил Джек. – В моей стране тиканье другое.

– Что, – сказала Факса довольно резко, – тебе не нравится дорога, по которой я иду?

– Нет, – сказал Джек, – немного пристыженный. – Я думаю, вы идете прекрасно, ваши шаги так равномерны.

– Она, как машина, – меланхолическим голосом заметила старая лошадь с глубоким вздохом, – с самым большим увеличительным стеклом вы вряд ли найдете маленькую ошибку в ее цепи. Ей не нравятся товары, которые приходят в Клеркенвелл.

Джек все более и более поражался увиденному; он был так рад вернуть свою шляпу, что побежал за конюхом и леди Дав, собираясь найти леди Бетти; он был доволен, что снова сможет побыть с обычными человеческими существами; но когда он подошел к ним, обнаружил, что леди Бетти – прекрасная коричневая кобыла. Она лежала в довольно вялой и страдающей позе, с грузом свежего сена перед собой; с ней было двое спутников, и один из них стоял и держал зонтик над ее головой, а другой обмахивал ее.

– Я так рада, что ты пришла, моя добрая Дав, – сказала коричневая кобыла, – не думаешь ли ты, что я достаточно крепка сегодня, чтобы отправиться на счастливые луга?

– Ну, – сказала Дав, – боюсь, что еще нет, ты должна помнить, что нельзя оставлять нас, пока ты не справишься с последствиями твоего падения.

Именно в этот момент леди Бетти заметила Джека и сказала:

– Пусть этот мальчик идет прочь: он напоминает мне жокея.

Внимательный конюх мгновенно кинулся вперед, но Джек был проворнее его; он бежал и бежал во всю прыть и уже только желал никогда не покидать своей лодки. Но все же позади себя он услышал бег конюха; наконец, конюх действительно поймал его и схватил так, что мальчик совершенно не мог бороться.

– Юный мошенник? – воскликнул конюх, когда восстановил дыхание. – Как ты бегаешь! Этого достаточно, чтобы сломать твою ходовую пружину.

– Что за вред я принес? – спросил Джек. – Я только посмотрел на кобылу.

– Вред! – воскликнул конюх. – Действительно, вред. Почему ты напомнил ей о жокее? Этого достаточно, чтобы вернуть бедное существо назад! Мы столько старались, чтобы она забыла о жестоком финале, с которым столкнулась в старом мире.

– Вам не нужно держать меня так крепко, – сказал Джек, – я не убегу снова, нет, – добавил он. – Если это Страна Фей, то она и вполноцену не напоминает ту страну, которой я ожидал.

– Страна Фей? – воскликнул конюх, с удивлением отступив назад. – Почему? Что тебя заставило так думать? Это только одна из приграничных стран, где вещи снова стоят на своих местах, те, которые люди в твоём мире заставили идти в неправильном направлении. Мир, ты знаешь, это то, что мужчины и женщины называют их собственным домом.

– Я знаю, – проговорил Джек. – И это мир, откуда я пришел.

Потом, когда конюх был уже не так сердит, Джек попросил:

– Мне хотелось бы, чтобы ты рассказал мне о леди Бетти.

– Она была прекрасным быстрым существом лошадиного племени, – сказал конюх, – для своего хозяина она выиграла серебряный кубок, а потом они заставили ее бегать в чехле, чехол ее испугал, но все же она победила; и потом они устроили ей другой пробег, и она преодолела несколько ужасно высоких препятствий, многие барьеры и канавы, пока не пришла к одному, самому трудному. Сначала она не могла взять барьер, но всадник подстегивал ее, бил, пока она не устала. Это было выше ее сил, она почувствовала это и упала на передние ноги. Потом они выстрелили в нее. После этого она умерла такой печальной смертью, а здесь мы ей помогли и сделали все правильно.

– Это единственная страна, где все правильно? – спросил Джек.

– Конечно, нет, – ответил конюх. – Эти страны расположены во всех направлениях. Ты можешь странствовать годами и никогда не дойдешь до конца.

– Боюсь, что я не дойду один, мне нужна помощь, – сказал Джек. – В твоей стране все такое огромное.

– Я не думаю, что наш мир намного шире твоего, – ответил конюх. – Я слышу колокол, мы на верном пути к дворцу.

И в самом деле, на некотором расстоянии Джек услышал неистовый звон колокола, и, когда конюх пустился бежать, мальчик побежал за ним с мыслью, что сможет увидеть дворец. Пока они бежали, со всех сторон: полей, деревень, мельниц – собирались люди, пока, наконец, не появилась небольшая толпа, в которой Джек увидел Дав и Факсу, и вся эта толпа интересовалась большим домом, широкая дверь которого была открыта. Джек остановился с толпой и заглянул внутрь. Там находилась женщина, сидевшая в кресле-качалке, высокая, крупная женщина в золотистом платье, а позади нее стоял стол, покрытый вещами, которые можно назвать ключами.

– Что делает эта женщина? – спросил Джек Факсу, стоявшую близко от него.

– *Заводит* нас, естественно, – ответила Факса. – Ты, верно, представляешь, что мы можем идти всегда?

– Удивительно, – сказал Джек. – Вас *заводят* каждый вечер, подобно часам?

– За исключением тех моментов, когда мы плохо себя ведем. А потом она позволяет нам бежать вниз.

– А что потом?

– Что потом? Потом мы останавливаемся и снова стоим у стены, пока у нее не возникнет желание простить нас и пока наши друзья не позаботятся о нас, чтобы мы могли идти снова.

Джек посмотрел и увидел людей, вошедших и стоявших близко к женщине. Одну из последних она взяла за подбородок левой рукой и своей правой находила ключ, который ей подходил. И Джек увидел, что на их затылках было много замочных скважин, она брала ключи и заводила их.

– Ты должен встать в очередь с другими, – сказал конюх.

– В моей голове нет замочной скважины, – ответил Джек, – и, кроме того, я не хочу, чтобы какая-то женщина меня заводила.

– Но ты должен делать, как другие, – настаивал конюх, – думаю, если у тебя нет замочной скважины, наша королева легко тебе ее сделает.

– Сделать такое с моей головой! – воскликнул Джек. – Она не должна совершать подобных вещей!

– Увидим, – спокойно сказала Факса.

И Джек так испугался, что будет *заведен*, что со всей мочи побежал обратно к реке. Многие люди призывали его остановиться, но они не могли побегать за ним, потому что хотели быть *заведенными*. Однако, конечно, они поймали бы его, если бы он не бежал очень быстро. До того как он спустился к реке, он услышал позади себя шаги того, кто первый ожидал Королеву, и как раз в это время мальчик уже прыгнул в лодку, а преследователи только достигли края воды.

И вскоре Джек был на борту, лодка развернулась и оказалась посреди потока; но Джек не мог чувствовать себя в безопасности, пока не появилась широкая часть воды между ним и берегом, пока он не ушел так далеко вниз по реке, что прекрасный залив пропал из виду и солнце село. В это время он почувствовал сильную усталость и сонливость; поэтому Джек посмотрел на своих фей, нашел их в полной сохранности, лег на дно лодки, уснул и увидел сон.

Глава 4. Пчёлы и другие существа-приятели

*Палочки составил голубь
И начал ворковать,
Комар поднял свою трубу,
Чтоб день напролет играть,
Сорока болтала мягко и длинно, —
Будто музыка мандолины,
Пчелка выбрала мед, и её бас
Только слышался: «Бац».*

Когда Джек медленно открыл глаза, он понял, что наступила ночь: полная луна сияла; но была не совсем темная ночь: он мог отчетливо видеть каких-то черных птиц, которые выглядели, подобно воронам. В ряд они сидели на краю лодки.



Поскольку феи были в его карманах, он мог понимать разговор птиц, и он услышал, как одна из этих ворон говорит:

– Там нет никакой мягкой пищи, я хотела бы выцарапать их маленькие глазки.

– Да, – сказал другой ворон. – Феи нуждаются в деликатной пище. Мы должны сказать Джеку прямо, если мы хотим добраться до них.

И он глубоко вздохнул.

Джек лежал тихо, хотя лучше было бы ему притвориться спящим. Но скоро они заметили, что его глаза открыты, и одна из птиц подошла к его ноге, поклонилась и спросила, не голоден ли он.

Джек ответил: «Нет».

– Не больше меня, – воскликнул ворон, – совсем не голоден.

Потом он спрыгнул с ноги, и Джек сел.

– А как же милые феи, которых мой молодой господин должен доставить в их дом? – спросил другой из воронов. – Надеюсь, они сохранились в карманах молодого господина?

Джек порылся в карманах. Да, все сохранились, но он не достал ни одну из них, чтобы вороны не схватили их.

– Эх, – проговорил ворон, притворяясь, что слушает, – дорогой юный джентльмен говорит, что феи спят?

– Мне неприятно говорить о феях, – сказал Джек. – Но если вы мне объясните некоторые вещи в вашей стране, которые я не могу понять, я буду очень рад.

– Какие вещи? – спросил чернейший из двух воронов.

– Почему, – сказал Джек, – я видел сияние полной луны, и только она установилась, как полумесяц погрузился в великие серые облака, и как раз в этот момент я увидел растущую луну, выглядывавшую из-за веток деревьев.

– Хорошо, – сказали два ворона вместе, – разве юный господин никогда не видел растущую луну в мире мужчин и женщин?

– О да, – сказал Джек.

– Он никогда не видел полную луну? – спросили вороны.

– Да, конечно, видел, – проговорил Джек. – Но у нас одна и та же луна. Я никогда не видел все три одновременно.

Вороны были очень удивлены этим, и одна из птиц сказала:

– Если юный господин не видел луны, это потому что он не смотрел. Возможно, юный господин спал в комнате, где есть только одно окно. Если это так, он не смог бы увидеть все небо одновременно.

– Я говорил вам, вороны, – смеясь, сказал Джек, – Я ЗНАЮ, в моей стране никогда не бывает больше одной луны на небе, а иногда вообще не бывает луны!

После всего этого вороны повесили головы и посмотрели очень пристыженно; ничто птицы ненавидят так сильно, как быть высмеянными, а они были уверены, что Джек сказал это, чтобы поиздеваться над ними; он знал, для чего они пришли сюда. Поэтому и первая, и вторая птицы прыгнули на другой конец лодки и полетели прочь, пока не осталась одна птица, и она была не в духе и не заговорила, пока Джек сам не заговорил с ней.

– Ворон, – сказал Джек, – кое-что холодное и скользкое лежит на дне лодки. Я коснулся этого только теперь, и мне это совсем не нравится.

– Это водяная змея, – сказал ворон, нагнулся и, подобрав широкую вещь своим клювом, выбросил ее, а потом оглянулся: – Вода кишит этими кровожадными существами, они чувствуют запах юных фей и хотят их съесть.

Джек был так взволнован, что схватил одну из фей: он хотел убедиться, что они в целости и сохранности. Это был усатый фей, и – увы! – в одно мгновение ворон взлетел, выхватил из его рук, прежде, чем у Джека было время опомниться, чтобы можно было спасти существо.

Потом, когда птица медленно поднялась, она каркнула и сказала Джеку:

– Поймай, мой юный господин! – и ворон улетел на ветвь дерева, где закончил есть усатого фея и бросил его маленькое опустевшее пальто в реку.

Увидев это, Джек начал горько плакать, подумав, какой глупый мальчик он был. Он еще больше сожалел оттого, что не знал даже имени своего бедного маленького товарища. Но он

услышал имена других своих компаньонов, это были очень длинные имена. Одно было Джовиньян, очень гордый джентльмен, два другие имени – феи Роксалетта и Мопса.

Однако тотчас Джек забыл о своем несчастье из-за двух опустившихся лун, а потом из-за розового солнца, и он наслаждался, что, несмотря на множество возможных лун, здесь было только одно солнце, даже в стране чудесной реки.

Итак, Джек с феями шел и шел дальше и дальше, но река была очень широкой, и волны били неистовые. И на правом берегу был густой лес, с такой обильной листвой, что только маленькая дорога вела прочь от крутого берега, зеленого, поросшего мхом; но, поскольку свет становился ярче, Джек мог видеть здесь и там гигантские стебли, видел существ, подобных лисам, диких кабанов, оленей, которые крались вниз, чтобы напиться из реки.

Здесь было очень жарко, но погода стояла, совсем не похожая на весну, оставшуюся позади. Поскольку солнечные лучи светили прямо в лицо Джека, он сказал поспешно, не подумав, что может произойти: «Я хотел бы высадиться среди этих очаровательных полей на левом берегу реки».

Не успел он договорить, как лодка начала двигаться к левому берегу, и, чем ближе он подплывал, тем прекраснее это казалось. Но еще более бурными были потоки воды, которые пересекли он и феи.

Действительно, восхитительная страна!

Он мягко наклонился вниз, к краю воды. Прекрасные деревья были разбросаны тут и там; повсюду росла мягкая, мшистая трава; большое старое раковое дерево простирало свои ветви вниз, над водой, словно пятнами; возвышались камелии, почти такие же большие, как боярышник, росший рядом, и смешивались красные и белые цветы.

Пространство не было таким открытым, как парк, а больше напоминало наполовину расчищенную лесную местность; но была там большая территория, куда направлялась лодка, к месту, где не было деревьев, а только несколько цветущих кустарников. Здесь суетились группы странных по виду людей и звучали пронзительные звуки дудки и барабана.

Подалее, в тени деревьев, Джек увидел ряды киосков или палаток.

В другом месте некоторые люди были одеты, подобно цыганам, и разжигали костры с помощью сучьев прямо на краю леса, где кипели их котелки. Некоторые из них имели яркие телеги с наклоном, на которых висело все их добро: корзины, щетки, циновки, маленькие стаканы, керамика и бусы. Это напоминало ярмарку, на которую народ собирался из всех мест, но не было здесь ни одного дома. Все остальные товары были также подвешены на деревьях или собраны в странных палатках.

Народ не был одинаков. Сначала Джек подумал, что все люди были только цыганами. Те, у которых были палатки, по росту выглядели не больше его самого.

Каким же жарким казалось это утро! И лодка толкнула себя в маленький залив и стала пробираться мимо желтых и фиолетовых клумб ирисов, обходя берег, над которым толпились стрекозы и большие бабочки.

– Стой, где ты стоишь! – закричал Джек лодке.

Но в это мгновение поднялся великолепный розовый мотылек, Джек выпрыгнул на берег и почти забыл о ярмарке и о людях, за которыми наблюдал. Мотылек обосновался на широком красно-медовом цветке, и Джек подкрался, чтобы посмотреть. Такой же большой, как ласточка, мотылек парил перед цветком. Крылья его были почти черными, с золотыми крапинами по краям.

Когда мотылек поднялся снова, Джек побежал за ним, пока, оглядевшись, не обнаружил себя возле рядов палаток, где стояли смуглые люди. И они начали кричать ему:

– Что ты, мальчик, купишь? Что вы купите, сэр?

И они толпились перед ним, поэтому вскоре он потерял мотылька из виду и забыл все остальное из-за удивления палаткам.

Там было полно великолепных вещей: часы и музыкальные ящики, странные китайские орнаменты, вышитые домашние туфли, красные колпаки и много добротных, великолепных шелков и тонких ковров. В другой палатке лежали сверкающие драгоценностями мечи и кинжалы; люди говорили все разом на языке, который Джек не понимал.

Некоторые палатки были квадратные, очевидно, сделанные из простого брезента, и если войти в них, можно было увидеть при свете солнца тканевые нити.

Но немного дальше рассеяны были несколько круглых палаток, которые показались еще более любопытными. Они, открытые во все стороны, состояли только из толстого купола-потолка, который посередине поддерживался прекрасной круглой колонной.

Снаружи купол был белым или коричневатым, но когда Джек остановился под этими палатками, он увидел, что они облицованы великолепным гофрированным коричневым или розовым шелком, по крайней мере, это напоминало шелк, и невозможно было с уверенностью сказать, были ли это реальные палатки или гигантские грибы.

Они варьировались в размерах, и, как грибы, были разными и по форме: некоторые были такими большими, что даже двадцать человек могли бы встать под ними. Грибы-палатки имели плоскую вершину с коричневой подкладкой. У других крыши были куполообразные, выложенные розовым, они могли приютить лишь шестерых или семерых.



Люди, которые торговали в этих палатках, были такие же странные, как их соседи; у каждого на голове была маленькая высокая шапочка, по форме напоминавшая улей; она была сделана из соломы и имела впереди маленькую дырочку. И в самом деле, очень скоро Джек увидел пчел, летавших туда-сюда; было очевидно, что люди в этих помещениях собрали мед. В основном они продавали деревенские продукты. У них были такие огромные сыры, что головки сыра доходили до талии, и женщины катили их, как мальчики – свои обручи. В деревянных чашах торговали также всевозможными семенами, пирогами и другими высококачественными съестными припасами, такими, как позолоченный имбирный пряник. Джек купил кое-что и действительно нашел все это очень вкусным. Но когда он взял деньги, чтобы расплатиться, маленький человек довольно странно посмотрел на него и развернулся в воздухе от неудовольствия. Потом Джек увидел его под руку с женой, которая также казалась недовольной, и тотчас Джек заметил, что они направляются за ним, сначала в одну, а потом в другую сторону. Наконец, маленькая женщина скользнула рукой в его карман, и Джек, сунув свою руку в карман, нашел свой шестипенсовик возвращенным.

– Почему вы мне отдали мои деньги обратно? – спросил он.

Маленькая женщина сложила руки на спине.

– Мне это не нравится, – сказала она. – Он испачкался. В конце концов, он не новый.

– Нет, не новый, – ответил Джек (хорошая сделка его удивила), – но это настоящий шестипенсовик.

– Пчелам это не нравится, – продолжала маленькая женщина. – Им нравятся вещи аккуратные и новые, а шестипенсовик кривой.

– Что я вам могу отдать взамен? – спросил Джек.

Добрая маленькая женщина засмеялась и покраснела.

– У этого молодого человека вокруг шеи – прекрасный свисток, – вежливо заметила она, но не спросила, для чего.

У Джека был собачий свисток, он взял его и отдал женщине.

– Спасибо за пчел, – сказала она, – они так любят, чтобы их позвали, когда мы собираем для них цветы.

Так она проявила немного любезности и пошла назад, к другим клиентам.

Среди них было очень много странных существ, примерно высотой с Джека, у них не было палаток, и, казалось, что они не покупают, но продают. Смотрелись они еще беднее, чем остальной народ, и были очень раздраженные и недовольные, ничто им не нравилось. Их одежды были сделаны из мха, а их мантии – из перьев. И говорили они подозрительно свистящим тоном, и носили своих худеньких маленьких детей на спинах и на плечах.

Эти люди с большим уважением обходились с торгующими в палатках. И, когда Джек спросил у друзей, кому они отдали свисток, который у них был, и куда им так много денег, сколько у них есть, женщина ответила, что они живут за холмами и очень боятся приходить в своих лучших одеждах. Богатые и могущественные дома, они приходили бедно одетыми и держались смиренно, не заставляя своих врагов завидовать им.

– Это очень опасно, – сказала она, – завидовать феям.

Джек хотел послушать их странный свистящий разговор, но он не смог из-за шума и веселой болтовни смуглого народца, а еще больше – из-за криков и болтовни попугаев.

Среди разного добра здесь были сотни великолепных позолоченных клеток попугаев, которые свисали с деревьев на длинных золотых цепях. Каждая клетка содержала попугая и его супругу, и птицы выглядели действительно очень несчастливymi.

Попугаи могли говорить, и они поддерживали крики недовольных женщин, покупавших для них вещи, и очень усердно старались обратить на себя внимание.

Один старый попугай был почти замечен в этих усилиях. Он бросился против проволоки клетки, завопил, закричал, застучал об пол своим клювом, так что Джек и один из покупателей побежал посмотреть, что происходит.

– Что ты так суетишься? – закричала недовольная женщина. – Ты со стуком раскачивался в своей клетке, и что хорошего ты сделал? Я не могу разрушить чары и открыть ее для тебя.

– Я знаю, – ответил попугай, рыдая. – Это ранит мои чувства; теперь ты не обращаешь внимания, хоть я и пришел в мир.

– Да, – сказала самка попугая, – это терзает наши чувства.

– Я не забуду тебя, – ответила женщина более сердито, чем когда-либо, – я покупала мерку кукурузы для вас, когда ты поднял такой шум.

Джек подумал, что слышит самый странный разговор в его жизни. И он был еще более удивлен, когда птица ответила:

– Я бы предпочел, чтобы ты купила мне носовой платок. Вот мы здесь заперты, без шанса выйти, и никто нас не жалеет, и у нас нет даже возможности поплакать, потому что нам нечем вытереть наши глаза.

– В конце концов, ты МОЖЕШЬ поплакать сейчас, если тебе хочется, – воскликнула женщина, – а когда у тебя будет другое лицо, ты не сможешь.

– Купи мне носовой платок, – зарыдал попугай.

– Я не могу себе позволить обе покупки, – пожаловалась недовольная женщина, – сейчас я уже заплатила за кукурузу.

Сказав, она пошла назад к палатке, чтобы принести свой подарок попугаям. Поскольку их клетка до сих пор качалась, Джек взял ее в руки, чтобы остановить, и как только он это сделал, они совершенно замолчали, и все другие попугаи на дереве, которые швыряли себя о стенки клеток, тоже прекратили кричать и замолчали.

У старого попугая был очень хитрый вид. Его клетка висела на такой широкой золотой цепи, что находилась почти на уровне лица Джека, и так много странных вещей случились в этот день, не казавшихся более странными, чем интонация огромного удивления в его словах.

– Это мальчик.

– Да, – сказал Джек, – я мальчик.

– Ты не уйдешь еще? – спросил попугай.

– Нет, – сказали множество других попугаев.

Джек согласился остаться на время, после чего все поблагодарили его.

– Я понятия не имел, что ты мальчик, пока ты не коснулся моей клетки, – сказал старый попугай.

Джек не знал, каким образом могли говорить с ним, поэтому он только ответил:

– В самом деле.

– Я фея, – доверительным тоном заметил попугай. – Мы заточены здесь нашими врагами из цыганского племени.

– Поэтому мы здесь, – ответил хор других попугаев.

– Я сожалею, – ответил Джек. – Я друг фей.

– Не говори, – сказал попугай, делая движения глазами: он притворялся, что спит.

В это время его подруга в юбке из мха и в плаще из перьев выступила с небольшим початком кукурузы и доставила початок в клетку.

– Теперь, сосед, – сказала она, – я должна попрощаться: цыганка пойдет этой дорогой, и я хочу купить немного ее товаров.

– Хорошо, спасибо, – сказал попугай, снова рыдая, – но я могу только пожелать, чтобы это был носовой платок.

– Я дам тебе взаимы мой платок, – сказал Джек. – Вот.

И мальчик вытащил платок и протянул между прутьями.

Попугай и его жена в величайшей спешке взяли у Джека носовой платок. Они поспешно протянули его в клетку, но вместо использования свернули в клубок, и попугай-жена спрятала его под крыло.

– Это заставляет меня дрожать всем телом, – сказала она. – Подумать только, какая удача.

– Я хотел сказать, – сказал попугай Джеку, – сейчас я знаю об этом все. В твоих карманах сидит кое-кто из моего народа. Не из моего племени, но это тоже феи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.